

Кто будет за нас МОЛИТЬСЯ?

An illustration featuring two children in the foreground. On the left, a girl with blonde hair in two braids, wearing a red jacket over a white turtleneck, looks slightly to the right. On the right, a younger child with reddish-brown hair, wearing a yellow shirt, looks towards the viewer. They are positioned in front of a white wall with climbing grapevines that have green and yellowing leaves and clusters of dark grapes. In the background, a church with blue domes and crosses is visible under a blue sky with light clouds.

Составитель Борис Ганаго

КТО БУДЕТ ЗА НАС МОЛИТЬСЯ?

Сборник рассказов

Автор-составитель Борис Ганаго

Художник Ирина Зенюк

Минск
Братство в честь Святого Архистратига Михаила
2011

УДК 23/28
ББК 86
Г 19

*Допущено к печати Издательским Советом
Белорусской Православной Церкви.
Решение № 476 от 17.06.2011*

Кто будет за нас молиться? / сост. Б.А.Ганаго. —
Минск, 2011. — 64 с.
Г19 ISBN 978-985-6978-17-6

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Задаем ли мы себе вопрос, кто будет нас вымалывать? Готовим ли мы молитвенников за себя? Готовимся ли сами к вечности, ради которой созданы? Да возникнут такие спасительные мысли у читателей новой книжки.

**УДК 23/28
ББК 86**

ISBN 978-985-6978-17-6 © Ганаго Б.А., составление, 2011

Парень на вес золота

— Ох, духота-то какая! Скорее бы остановка, — сказал пожилой мужчина, сидевший на первом сиденье автобуса.

— Да, глоток свежего воздуха не помешал бы, — поддержала разговор его молодая соседка.

Но так долго ожидаемая остановка не принесла радости ни пожилому мужчине, ни другим пассажирам. Скорее, наоборот... Вместе со звонкими девичьими голосами в автобус ворвался неприятный запах только что выкуренных сигарет. «Да что же это такое, — вздохнул седой мужчина. — Куда наш мир катится?! Глупые, несчастные девчонки, они ведь не только окружающим, они в первую очередь себе здоровье и жизнь портят!». Соседка ничего не ответила. Прикусив губу, она отвернулась к окну, чтобы никто не увидел ее слезы...

Марина и Константин познакомились на вокзале. Точнее, как любил шутить Костя, их «столкнула судьба». Марина спешила к себе в общежитие, Костя торопился домой. В спешке молодые люди налетели друг на друга, а, столкнувшись, поняли — торопиться им больше некуда.

На первое свидание Костя пришел с букетом белых роз и красивым плюшевым мишкой. Марина была в восторге и про себя подумала: «Именно о таком парне я мечтала всю жизнь».

Гуляя по набережной, Костя предложил зайти в ближайшее кафе. Такие мини-кафе были хорошо знакомы Марине: они с девчонками часто сюда забегали, чтобы выпить чашечку кофе и покурить. Она по привычке даже открыла сумочку, чтобы достать сигарету, но тут Костя сказал:

— Марин, давай поищем другое место, на воздухе... Здесь так накурено, а я не переношу запаха табака.

Захлопнув сумочку, Марина быстро направилась к выходу.

— А ты куришь? — спросил Константин.

Девушка отрицательно покачала головой и добавила вслух:

— Я бросила... Давно. Теперь веду здоровый образ жизни. Бегаю по утрам, а сигареты этому мешают.

Марина врала. Но если этому парню нравятся некурящие девчонки, то она должна быть именно такой.

— Это правильно: курить — «лукавому кадить», — сказал Костя. Марина улыбнулась, подумав про себя: «Насчет лукавого — не знаю, но «кадить» теперь придется там, где тебя нет».

Впрочем, как оказалось, курить рядом с этим парнем ей совсем не хотелось. Костя был очень интерес-

ным и увлекательным собеседником, и они посетили столько удивительных и живописных мест, что думать о каких-то сигаретах было просто некогда.

Подружки Марине завидовали: «Ой, Марина, счастливая ты! Золотого парня встретила. Умный, красивый, талантливый, и при всем при том — не бедный! За таким как за каменной стеной жить будешь!».

Стены в квартире Константина может и не совсем каменные, но вызвали у Марины восторг: они были увешаны прекрасными картинами и старинными иконами. Отец Кости был реставратором, а мама — музыкантом. Милые, интеллигентные люди...

Девушка была просто счастлива. А через несколько месяцев и комнату Марины украшала картина, нарисованная ее милым Костенькой.

В остальном жизнь девушки не изменилась: институт, лекции, подготовка к экзаменам. И ожидание... Ожидание свидания с любимым.

Теперь их встречи были не такими частыми и не такими долгими, как раньше: у Кости — много работы, у Марины — учеба... Все-таки последний курс. Однажды юноша долго рассматривал Марины руки (они казались ему такими нежными и красивыми!) и сказал, что ему хочется их нарисовать. Потом, поцеловав, он добавил:

— В следующие выходные я хочу пригласить тебя в театр. Приезжает известная московская труппа. А после спектакля мы отправимся в такое место,

куда я еще никого и никогда не возил. Думаю, это будут незабываемые выходные.

Марина просто светилась от счастья. Всю неделю она занималась приготовлениями к предстоящим выходным. Ей хотелось выглядеть «на все сто».

Были куплены новые туфли и платье цвета «шоколад», которые гармонично сочетались с ее карими глазами и каштановыми, с рыжим блеском, выющимися волосами. Однокурсница Вера одолжила ей сумочку под цвет платья, а Ольга принесла помаду, такую же шоколадную, как и платье.

После занятий Марина, хоть и спешила, но все же не отказала себе в удовольствии сходить с девочками на перекур. Накрасив губы новой помадой, Марина закурила.

Разговоры подруг сегодня были только об одном — о предстоящем Маринином свидании.

— Марин, он у тебя, наверное, «крутой». Билеты на этот спектакль дорогие.

— Ой, девочки, спорим, он ей сделает предложение! Ведь недаром пальцы рук рассматривал. Точно — кольцо подбирал!

— Да, Маринка, такие парни нынче на вес золота.

— У меня теперь все на вес золота. Ведь я же все деньги на наряды растратила, даже в долги залезла. Вот и сигарета тоже на вес золота — это последняя.

С этими словами Марина затушила сигарету, а длинный окурочок положила в сумочку, чтобы доку-

рить в общежитии (сигарета была на самом деле последней). Распрощавшись с подругами, она поспешила домой. Душ, прическа, макияж, проездной, помада, зеркальце и... недокуренная сигарета в сумочке. Ее Марина заметила, когда отключала телефон перед входом в театр. «Выброшу во время антракта», — подумала девушка, но сразу же о ней забыла.

Вспомнила о сигарете она лишь после спектакля, когда в холле стала включать мобильный. Неприятный запах табака пахнул из сумочки. Константин, слегка поморщившись сказал:

— Кто-то накурился дешевых сигарет!

Но потом, пристально посмотрев на Марину, спросил:

— Ты ведь у меня не куришь?

— Нет, Костик, что ты! Не курю... — Улыбка девушки была натянутой, на щеках появился легкий румянец.

— Пойдем скорее, здесь душно.

Марина направилась к выходу. Она злилась на себя, на свою забывчивость и вообще на весь окружающий мир.

— Маришка, будешь курить — не буду любить! — то ли в шутку, то ли всерьез произнес Костя.

— Будешь любить — не буду курить! — отшутилась Марина. Она взяла его под руку, и влюбленные пошли гулять по вечернему городу. Злосчастная сигарета опять была забыта.

А потом зазвонил мобильный телефон, Марина открыла сумочку, чтобы его достать, и... Прямо им под ноги упала недокуренная сигарета, испачканная губной помадой шоколадного цвета. Оправдания были бесполезны!

Костя молча довел девушку до общежития и, уже прощаясь, сказал:

— Знаешь, Марина, когда отношения с самого начала строятся на лжи, не стоит их продолжать. Если бы ты сказала мне правду, я бы все понял, и мы вместе постарались бы избавиться от этой твоей дурной привычки. Но ты врала, а ложь — она куда страшнее сигареты.

Костя повернулся и ушел... Больше он не звонил и не отвечал на ее звонки, парень вообще куда-то исчез. Потом у Марины были слезы, депрессия, кое-как сданные экзамены, распределение на работу по месту жительства и этот автобус, увозящий ее далеко-далеко от Кости.

На чашах жизненных весов оказались парень «на вес золота» и недокуренная сигарета. К сожалению, сигарета перевесила...

Гензор, не пейте!

Сашка — белобрысый семилетний мальчуган из Калининвич — ничего в своей жизни радостного не видел, так как жил в интернате для детей-сирот. Правда, это не он так думал, а взрослые. Но что понимают эти взрослые! В интернате даже лучше и веселей: много друзей, игрушки, телевизор с мультиками. Вот если б еще мама с папкой рядышком были... Классная получилась бы семья!

Сашке перед сном так хочется прижаться к маме... Чтобы она по головке его погладила... И папка... Он такой сильный, большой. Однажды поднял Сашку на руки и подбросил прямо в небо. Правда, мальчик был тогда еще совсем маленьким. А потом...

Потом что-то произошло, и Сашку забрали в дом, где живет много детей. Мальчик несколько дней плакал: ждал маму. А через неделю перестал и плакать, и ждать.

Прошла зима, пролетела весна. Мама все-таки пришла, но стала она совсем чужая. Иногда женщина забирала Сашку на выходные домой. А в понедельник мальчик возвращался грустным и несчастным.

Однажды он наотрез отказался идти с матерью. Его ловили по всему интернату — он прятался под стол и смотрел волчонком на взрослых, уговари-

вающих его идти с мамой. Одна Галина Сергеевна, учительница, не принимала участия в этих уговорах, а лишь грустно вздыхала и уводила Сашу в спальню. Таких, как он, на выходные в школе оставалось человек десять.

А летом случилось чудо. Этих десятерых позвали к директору и сказали:

— Дети, вы поедете на лето в Италию. Это страна, где есть теплое море. Помните, на Новый год к нам приезжали гости? Они еще говорили не по-русски. Привезли много подарков и испекли огромный блин, который называли пиццей. Я уверен, что вам наши белорусские драники нравятся больше, чем их итальянский блин, но вы, молодцы, все слопали и попросили добавки. А итальянцы пообещали, что обязательно угостят вас своей пиццей еще не раз. Поднимите руки, кому понравилась пицца.

Сашка неуверенно протянул руку. Не то чтобы ему этот блин на самом деле показался вкусным, но мальчик сразу понял: кому понравилось угощение заморских гостей, тот и поедет к ним в семью, а это значит — к морю.

Море он видел по телевизору. Там купаются и загорают, совсем как на речке, только очень широкой.

Конечно, лучше бы как раньше — летом с папой и мамой в деревню. К бабушке. У нее Шарик, корова, всегда голодный кот Васька. Рядом лес. Можно бегать босиком и пить молоко прямо в поле, когда доят Буренку.

Но бабушка неожиданно умерла. Сашка помнил, как она плакала: «Бедный мой внучек, на кого я тебя покидаю...». А оставаться дома... Да еще на все лето! Мальчик закрыл глаза и стал отчаянно мотать головой: «Нет, ни за что!» — и продолжал высоко тянуть руку. Он окончательно «вспомнил», что обожает заморскую лепешку — пиццу, и без нее просто погибает.

Вслед за ним подняли руки и все остальные ребята.

— Вот и замечательно, — сказал директор. — Сложите в сумки самое необходимое, и завтра утром автобусом в Минск. А оттуда на самолете вы полетите в столицу Италии — Рим. Сопровождать вас будет Галина Сергеевна.

Такого количества детей Минский аэропорт не принимал никогда. Из разных концов республики: белобрысые, черненькие, рыжие, но... абсолютно одинаковые. Они испуганно озирались по сторонам, сбиваясь в стайки возле своих учителей. Синие, черные, серые глаза глядели совсем не по-детски. В них виднелись грусть и тоска, страх и слезы. Будто везут детей не к морю и солнцу, а невесть куда. И на огромную толпу ребят с холщевыми мешочками, одетых в истрепанные спортивные костюмчики, место которым давно на свалке, всего несколько родителей.

Родители подбадривают и своих, и чужих, но волнуются не меньше. Когда, кому, в каком волшебном сне могло присниться, что твой ребенок после Чернобыля поедет жить в чужую семью в далекой стране?! Незнакомые люди пожалели детей,

решили приголубить. Хорошо это или плохо — покажет время, а пока все замечательно.

Объявляется посадка на самолет, следующий рейсом в Рим.

Самолет взревел в полной тишине. Ребята притаились, как мыши. Грохот мотора заставил умолкнуть даже самых неугомонных. Но уже через полчаса стюардессы затыкали уши — ни один мотор не мог заглушить восторженные и возбужденные вопли маленьких пассажиров.

Сашка не слышал никого, он смотрел на небо: представлял, как выскакивает в круглое самолетное окошко и бежит по облачным снежным сугробам! А навстречу ему — бабушка, мама и папа. Они радуются мальчишескому счастью, обнимают Сашку, целуют. И вдруг мамин голос говорит:

— Наш самолет приземлился в Риме.

...Множество чужих, загорелых лиц, карих глаз. Черноволосые люди, совсем не похожие на пап и мам, трещат на непонятном языке, не слушая друг друга. И абсолютно все улыбаются, обнимая притихших ребятшек. А детям попросту страшно. Почему все эти взрослые улыбаются и лезут целоваться? Разве так бывает, чтобы всем сразу было хорошо?

Оказывается, бывает! Неделя улыбок, солнца, моря, фруктов, мороженого и все той же пиццы сделали свое дело.

...Сашка, Марио, Джузеппе и Антония неслись утром к морю наперегонки, и белоголовая Сашкина

голова выныривала из волн первой. «Бело, бело!» — кричали новые Сашкины друзья, а он уже знал, что «бело» — это не белый, а похвала, и улыбался во весь рот. Потом мама Лучия кричала из окна: «Баста», и все беспрекословно бежали к ней.

Сашке казалось, что он всегда жил в этом беззаботном веселом семействе, где громко ссорились, и также громко, но очень быстро мирились. Он полюбил обретенных братьев и сестру, обожал сеньору маму Лучию и уже не брыкался, когда та прижимала его белобрысую голову к себе и почему-то грустно вздыхала, одаривая очередной обновкой безо всякого дня рождения. Правда, Сашка до этой самой Италии и не знал, что на день рождения детям надо обязательно дарить много подарков — как признание в любви. И когда его новые друзья спросили, о чем он мечтает, мальчик тихо сказал:

— Я дома потерял красный карандаш.

В тот день он проснулся от звука нестройного хора: «С Днем рожденья тебя, с Днем рожденья тебя...» — пели на итальянском веселые детские и взрослые голоса. Им подпевала на родном языке учительница — Галина Сергеевна, которая тоже пришла поздравить мальчика. Комната заполнилась пакетами и коробками с бантами. Их так много, и они такие красивые! Жалко портить эту красоту, но подарки полагалось посмотреть, да и как иначе!

— Это все — мне? — еле слышно прошептал Сашка.

За праздничным столом было столько вкуснятины, что хватило бы на весь интернат! Посредине всего этого великолепия возвышался торт. И на нем горели восемь свечей. Галина Сергеевна объяснила мальчику, что надо загадать желание и задуть их: тогда оно обязательно исполнится. Именинник надолго задумался. А потом зажмурился, задул одну свечку, вторую, наконец, дошел до седьмой, приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть, все ли это видят. И вдруг...

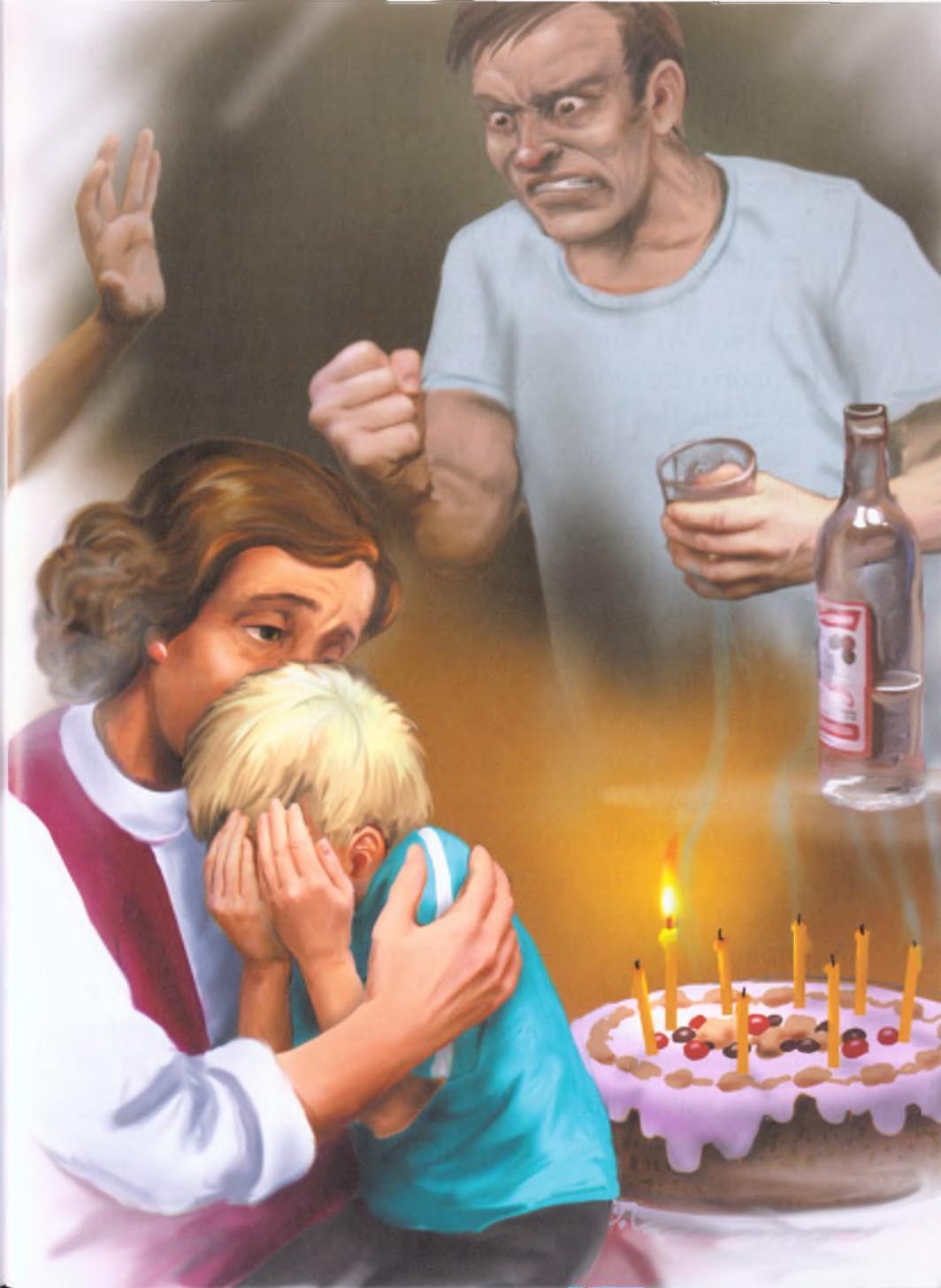
Сашка опрокинул стул, рванулся с места, подскочил к главе семейства сеньору Пауло и... выбил у него из рук бокал с вином. Все в недоумении замерли. В наступившей тишине раздался звонкий, срывающийся в плач мальчишеский крик: «Не пейте, сеньор!».

...Восьмая свеча одиноко потрескивала на торте, мама Лучия подметала осколки, а папа Пауло пошел переодевать залитую вином сорочку. Сашка горько плакал, уткнувшись в Галину Сергеевну.

— Ну что ты, маленький, успокойся, — говорила она.

Марио, Джузеппе и Антония, широко раскрыв глаза, смотрели на них.

Только Сашка и Галина Сергеевна могли объяснить происходящее. Но учительница молчала. Зачем знать этим счастливым детям, что Сашка испугался за итальянскую маму Лючию. Всякий раз, когда Сашкин родной папа пил вино, он бросался на Сашкину маму Валю с кулаками и избивал ее до полусмерти...

Я так хочу жить...

Аннушка всегда была застенчивой девочкой. Это особенно бросалось в глаза из-за ее худенького тельца и огромных серо-голубых глаз, которые опускались при встрече с пристальным взглядом учителей. Возникало ощущение, что она пытается спрятаться от мира, в котором ей так плохо жить.

Первого сентября, когда дети в нарядных костюмчиках с цветами радостные шли в школу, Аня, как бы выражая протест всем окружающим, стояла в уголке в старенькой кофточке. На все предложения подарить ей одежду, девочка отвечала:

— У меня все есть, а такое я носить не буду.

С каждым годом учеба становилась для нее все более тяжелой обузой. Мама, особенно когда была в запое, часто била дочку, порой придумывая ей жестокие наказания.

Отца своего девочка не знала, а сожитель матери не испытывал к ней никаких отцовских чувств.

Несколько раз Аня уходила от них, жила в социальном приюте, потом снова возвращалась в дом, где были грязная, изодранная постель и мутные оконные стекла, через которые, казалось, даже солнце не могло пробиться.

— И зачем жить? — часто задавалась вопросом девочка.

Однажды на уроке Ане стало плохо. Медсестра оказала ей первую помощь и вызвала «скорую».

Врачи увезли ученицу в больницу с диагнозом — отравление медикаментами.

Да, девочка, не сознавая, на что обрекает себя в предстоящей вечности, хотела покончить с собой, выпив горсть каких-то лекарств.

— Я не хочу жить. Все равно я это сделаю. Что хорошего в этой жизни?

Слова ребенка звучали, как удары молота по наковальне. Но, хотя это была не первая ее попытка уйти из жизни, мать равнодушно относилась к страданиям дочери.

— Я сама скоро умру — у меня рак. Вот и снимаю боли, — будучи почти всегда навеселе, бравировала она.

И только спустя несколько лет стало известно, что никакой болезни, кроме алкоголизма, у матери не было. Но ситуация в семье напоминала грозу, которая вот-вот разразится раскатами грома и сверканием молний.

Отец Владимир, который проводил духовные беседы в школе, после разговоров с Аннушкой качал головой и сокрушался:

— Очень тяжело ей. Господи, помоги и управь!

Он молился о ней, да ни как об одном из вверенных ему сотен школьных чад, а помяная ее вместе со своими шестью родными детьми. И вот грянул гром — Аня тяжело заболела. Врачи вынесли приговор: у девочки очень редкое заболевание — рак грудины, которое лечится только в нескольких странах.

Потом Аня терпеливо перенесла несколько сложнейших операций и лечение химиотерапией.

Угасание дочери пробудило сердце матери. Она бросила пить, окружила Аню заботой и лаской.

Когда учителя и бабушка пришли навестить ее домой, то увидели в белоснежной постели тельце, через которое виднелись косточки. От белокурых волосиков не осталось и следа. Глазки закрывали пленочки век без ресниц.

Аннушка приоткрыла их и, улыбнувшись, прошептала:

— Юля Николаевна, помните, как я хотела уйти из жизни?

И взглянув в любящие глаза матери, добавила:

— А сейчас я так хочу жить!

— Анечка, милая, ты обязательно поправишься! Мы тебя еще замуж отдадим, — уверяла директор, обнимая маленькую девочку.

— Я поправлюсь, я буду стараться... Я так хочу жить... — с трудом произнесла она, улыбнувшись. На глазах девочки выступили крупные слезы.

Плакала и ее мама, сжимая на груди образок Спасителя.

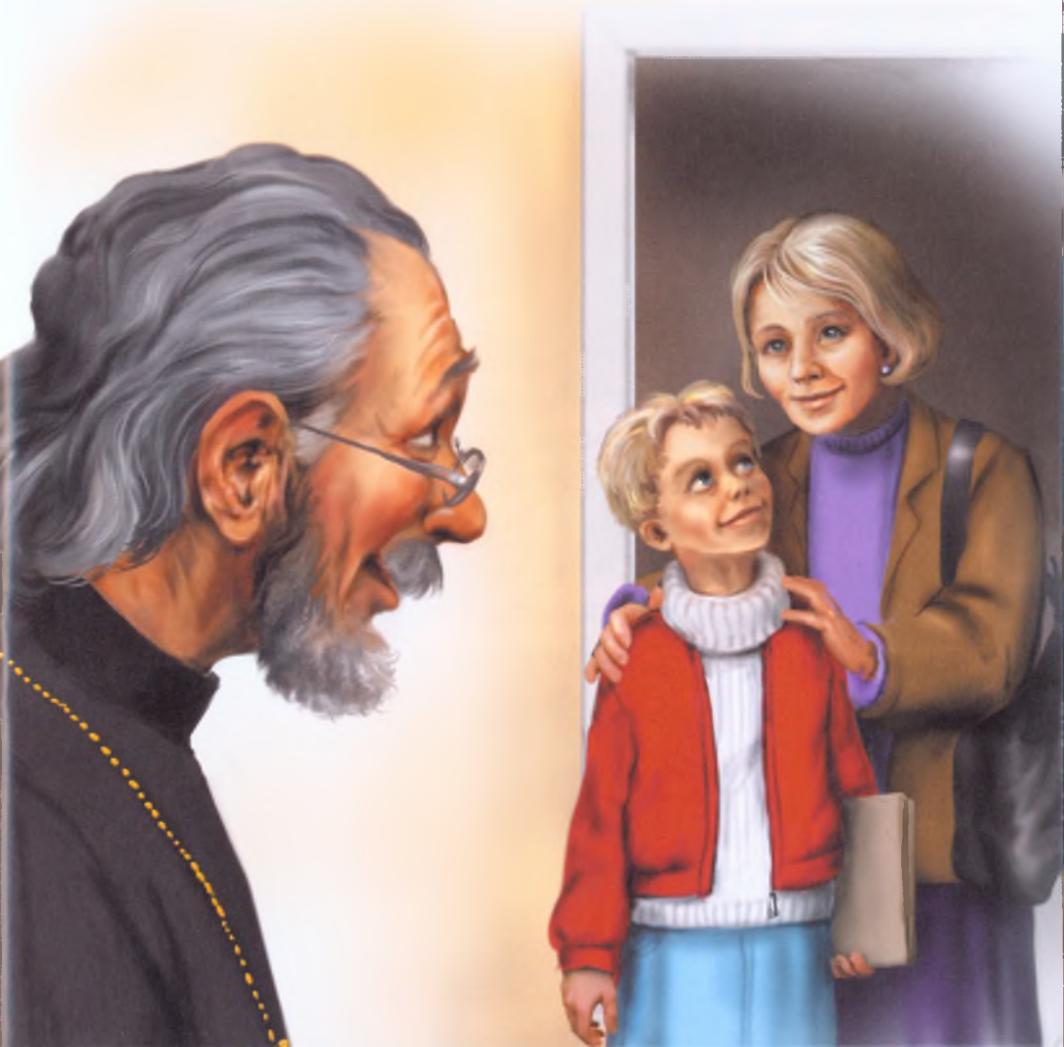
Через полгода мать с Аннушкой пришли в школу оформлять обучение на дому. Девочка поправилась, ей очень шла новая красивая одежда и коротенькая мальчишеская стрижка. Маму тоже было трудно узнать, просветленное лицо женщины как бы говорило:

— Я все поняла! Не за что нам это горе, а для чего...

Глядя на них, невозможно было поверить в то, какими они были еще несколько месяцев назад.

Перекрестившись, батюшка сказал:

— Вот Господь все и управил. Никто не знает, в чем спасение душ наших...

Провинциалка

Катерина всю свою жизнь прожила в небольшом поселке. Бревенчатый двухэтажный дом стоял на высоком холме. Вокруг сосны, внизу река и озеро с маленькой деревянной часовней на берегу, а далеко на горизонте застыли в синей дымке Уральские горы. Семья у нее была большая. Она с мужем, трое сыновей с невестками и малыми детками, дочка-школьница, свекровь со свекром да старенькая бабушка на печи. Всем хватало места в большой, просторной избе.

Вместе с мужем Катя трудилась на звероферме. Выращивала лисиц-чернобурок. И хотя ей было уже за сорок, выглядела очень молодо и была все той же высокой, стройной, русоволосой красавицей. Она любила носить простые льняные платья, которые сама себе шила, а длинную косу закалывала на затылке старинными шпильками, украшенными уральскими самоцветами. Катерина казалась ровесницей своей взрослеющей, не по годам серьезной, дочери.

— Вы как сестры-погодки, когда вместе, — говорил ей иногда супруг.

Катя только отмахивалась от него — «Где уж там! — думала она, — что ни говори, а годы берут

свое!» — и, глядя на светлое личико дочки Оленьки, которая все свое свободное время проводила за компьютером, улыбалась.

Часто по вечерам после ужина за большим круглым столом почти вся семья, кроме самых маленьких, собиралась вместе. У каждого было свое занятие, но всех их объединяла неторопливая беседа. О чем они только ни говорили долгими вечерами, когда за окнами сгущались синие сумерки, а огонь в печи постепенно догорал, и лишь тлеющие угольки напоминали о его недавнем буйстве.

В этот вечер внуки стали просить Катю рассказать о ее недавней поездке в Москву.

— Да я уже вам сто раз рассказывала... — отнекивалась она, проворно штопая очередной детский носочек.

— Ну ба... Расскажи... Расскажи еще раз... — просили малыши, а свекровь поддакнула, подняв голову от шитья, и даже свекор, оторвавшись от починки рыболовных снастей, поддержал всех:

— Правда, Катерина, давай!

Обвела она ясным взором всю свою большую семью и, глубоко вздохнув, сказала:

— Ладно, слушайте.

Два года назад наша Оленька, а было ей тогда всего лишь пятнадцать годочков, познакомилась через Интернет с молодым человеком по имени Алекс. Переписывались они долго, поведали друг другу о мно-

гом и как-то слово за слово договорились, наконец, встретиться в определенный день в Москве у входа в Парк Горького. Алекс почему-то был уверен, что Оленька, как и он, москвичка и приехать на метро к месту встречи ей не составит особого труда. И стала наша девочка томиться ожиданием и страдать.

Дело в том, что за время общения с молодым человеком она как-то не удосужилась (а, скорее, побоялась) признаться, что живет не в Москве, а в далеком уральском поселке. Парень ей очень понравился, и она боялась его разочаровать своим откровением о том, что она провинциалка. Сам-то он, по его словам, родился и вырос в столице. Поделилась она своим горюшком со мной, и решили мы вместе ехать в Москву. Она — на свидание, а я — навестить свою старшую сестру Галину, много лет назад обосновавшуюся там.

— Ты только не думай, доченька, что это прямо уж твоя судьба решается, — говорила я Оле. — Кто его знает, какой он на самом деле, этот Алекс. Ведь по Интернету можно все что угодно о себе наговорить и какую хочешь фотографию выслать. Не удивлюсь, если на свидание придет дедушка лет шестидесяти. А если хочешь хорошего мужа, молись Господу нашему, Пресвятой Богородице, а особенно Николаю Угоднику. Он, по преданию, помогает девицам, желающим удачного замужества.

Оленька наша от моих слов смущалась, но, думаю, в своих молитвах теперь не забывала просить

и об этом. Она с душевным трепетом ждала встречи и надеялась на лучшее...

Собрались мы в дорогу. Я сестре моей, Галине, полушубок из чернобурки справила, да разных других подарков, вкусностей и разносолов приготовила. Поехали. Прибыли в Москву на вокзал огромный. Вышли из вагона, растерялись. Вдруг подходит ко мне мальчик лет шестнадцати, кудрявый такой, в рваных джинсах, и говорит:

— Теть Катя! Я ваш племянник, Ваня. Я вас сразу узнал! Вы на маму очень похожи. А это дочка ваша, Оля. Мама дома, волнуется очень. Стол накрывает. Идемте, там нас папа на машине ждет.

Паренек подхватил наши сумки и побежал. Мы за ним.

Муж Галины, Сергей, бородатым оказался. На нашего конюха со зверофермы похож, только в очках. По профессии — научный работник. Ехали мы долго по городу. Машинка у Сергея старенькая, «копейка» называется. Но бодренько так ехала, без приключений.

Вокруг нас город огромный! Дома, дома и дома. Большие и маленькие. Машин — пропасть. А рекламы! Только успевай головой вертеть. В глазах рябит! Потом вроде лесок проехали, район городской на пригорке показался. Спальный, как они его называют. Дома высокие. Белые, голубые, розовые.

Приехали. Поднялись на лифте на двадцатый этаж. Тут-то я сестру мою родненькую и увидела.

Будто в волшебное зеркало посмотрелась. Вот и я бы такой была, если бы мне в городе довелось жить. Худая, в маечке со странной надписью, в джинсиках. И без косы, с короткой стрижкой по последней моде. Близнецы мы с Галиной. Я первая у мамочки нашей родилась, а она вторая.

Обнялись, расцеловались. Она плачет, я плачу. Лет двадцать не виделись — развела нас жизнь. Но профессии родственные выбрали. Галочка моя — детский доктор.

Все перезнакомились, а я подарки наши «предъявила». Галина полушубок примерила. Все даже языками зацокали, так он ей подошел.

Потом за стол сели. Все честь по чести. Накормили нас так, будто мы из голодного края приехали. Так и началась наша жизнь столичная. И закрутилось. Сестра моя старается, все нам рассказывает и показывает. Где мы только не были! В музеях, на выставках. В этих огромных магазинах, где можно запросто заблудиться... По центру ходили, на экскурсию по городу ездили... Притомились вконец... Тут как раз день Оленькиного свидания подоспел.

Галина нас пугает, мол, может он, Алекс наш, маньяк какой! Или уголовник! Опасное дело через Интернет знакомых заводить. Решили на свидание втроем идти, нашу Оленьку защищать. Ну а потом и племянник Ваня напросился. А там и супруг Галочкин предложил нас на своей шустрой машинке подвезти.

За день до свидания захотелось мне по городу одной побродить, никуда не торопясь, без определенной цели. Приехала я в центр, вышла из метро. Ходила долго, особняки рассматривала, в маленькие церкви заходила, свечки за здоровье всех вас ставила. Случайно попала в Покровский монастырь, поклонилась мощам Матушки Матроны, современницы нашей, ставшей святой. А храмов-то в Москве сколько! Стоят, как игрушки, тут и там. Какие отреставрированные, какие в лесах строительных, а какие еще своего часа ждут. Я считала, считала их, да потом бросила. Много! Всех не перечесать!

Смеркаться стало. Шла я по одной улочке, мороженое ела, как вдруг на меня сверху что-то упало. Я испугалась, шарахнулась. Смотрю, а это шуба норковая. Глядь, из окна четвертого этажа особняка еще шубы падают. Разные, норковые, из чернобурки, из песца... Подняла я ту, что на меня упала, и стою, рот разинув. А народ, откуда только взялся, шубы выпавшие хватает и стремительно убегает. Мужчина какой-то толстый прыгает, пытается лисью шубку с тополя сдернуть.

Из окна уже больше ничего не падает, только какие-то люди в черных шапках с прорезями для глаз выглядывают. А в руках у них — автоматы такие. Страшно!!! Толстый мужичок шубу все-таки с дерева сдернул, меня за руку подхватил и кричит:

— Бежим, тетеха деревенская!!!

CASINO
EX!

STOP

CASINO

M

И мы побежали. По каким-то дворам и переулкам, выскочили на большую улицу, нырнули в подземный переход. Остановились возле какого-то дома. Мужик свою шубу в пластиковую авоську запихал, а мне рваный пакет сует:

— Спрячь!

— Зачем?

— Эх ты, деревня! — воскликнул он.

— Почему ты думаешь, что я из деревни?

— По одежде, по причёске, — ответил мужичок.

Потом пристально взгляделся в меня, заулыбался и сказал: — А еще ты вся... настоящая!

Тут он почему-то отдал мне честь, приложив ладонь к козырьку мятой кепки, и затем быстро скрылся в ближайшем переулке.

Я нашла маленький скверик и села на лавочку. Уже совсем стемнело. Мне нужно было отдышаться и подумать обо всем, что произошло.

У меня появилась проблема: что делать с «упавшей с неба» шубой. Сначала я хотела вернуться на ту улочку, где все произошло, и отдать шубу ее владельцам. Потом мне пришла в голову мысль, что мое появление их вовсе не обрадует, если они избавились от меховых изделий таким необычным способом. Да и боязно было... К тому же я сомневалась, что смогу отыскать ту улочку и тот дом...

Затем мне захотелось просто выбросить шубу в ближайший мусорный контейнер и таким образом решить вопрос. Наконец, я решительно сложила ее

в подаренный толстым мужичком пакет и поехала домой к сестре.

Выслушав мою историю, все домочадцы только посмеялись над моими намерениями отыскать владельцев шубы. Рассмотрев ее, я поняла, что это очень дорогое норковое манто.

— Катя, носи! Смотри, красота какая! — говорила мне Галина.

— Нет. В повседневной жизни такое носить нельзя. Да и куда я в ней? Дрова колоть? Или в магазин за селедкой? Да и не очень хорошо это будет. Хоть шуба эта вроде с неба упала, все же... не наша она... чужая...

Оленька спросила меня:

— Мам, а почему в Москве шубы с неба падают?

Я плечами пожала и ответила так:

— Не знаю, милая. Может они краденые, может — контрабандные, может — это выяснение отношений между конкурентами.

— Понятно! — сказала дочь. Поразмыслив, мы решили продать манто, а деньги передать в дом престарелых. Галина с сыном как раз по выходным ходили в один из них и ухаживали за немощными стариками.

На следующий день мы с сестрой сдали шубу в комиссионку, предварительно спорив с нее все опознавательные знаки. А вечером того же дня должно было состояться Оленькино свидание. Мы долго собирались, разрабатывали тактику поведения, со-

ветовались. Еле оторвали мою доченьку от зеркала.

Алекс должен был ждать ее у входа в парк с букетом желтых цветов. Погрузившись в «копейку», мы отправились в путь.

Оленька очень волновалась. Подъехав к входу, мы увидели возле центральных ворот... сорока-летнего мужчину с желтыми розами в руках. Небольшого роста, крепенький, с сединой в когда-то черных волосах. Оленька категорически отказалась даже подходить к нему. Она была оскорблена в своих лучших чувствах и зарыдала.

— Надо же! Да он ей в отцы годится! А туда же! — возмущалась сестра.

— Ну она ему тоже не сказала, что провинциалка, — отозвалась я.

— Что, поедем домой? — спросил Сергей, а Ваня предложил:

— Давайте я ему физиономию начищу...

— Я тебе начищу! — вскричала сестра.

— Раз уж приехали, сама с ним поговорю, — сказала я и подошла к седовласому мужчине. Представилась. И тут оказалось... Оказалось, что это папа Алекса. Вернее, Александра Смирнова, москвича. А сам молодой человек попал в больницу с острым приступом аппендицита. Ночью ему сделали операцию.

Что вам еще рассказать? Вы же дальше все знаете. Мы все вместе поехали навестить больного. Так Оленька и Саша познакомились воочию.

И по-моему, очень понравились друг другу. Переписываются они теперь, перезваниваются. Так-то. Хорошим он парнем оказался, и из прекрасной семьи.

А манто наше купили в тот же день. Какая-то известная певица теперь в нем щеголяет. Мы с сестрой на вырученные деньги приобрели много необходимых вещей и лекарств для дома престарелых.

Даже еще немного денег осталось. Сестра моя и говорит:

— Я решила фонд помощи старикам организовать. Буду искать спонсоров. Надеюсь, с Божьей помощью у меня все получится.

Я вздохнула, и улыбнулась ей в ответ.

— Я твой первый спонсор!

— Это уж точно! — отозвалась она. — Может быть, еще пойдешь гулять по Москве?

Мы рассмеялись. Вот так и закончилась эта история...

Катерина, отложив штопку, принялась складывать в коробку нитки и иголки.

Вечер подходил к концу. Все потихоньку стали готовиться ко сну. Старший из внуков, сонно потирая глаза, пробурчал:

— И ничего она не закончилась. Это только начало! Правда, тетя Оль? — и он с хитрой усмешкой посмотрел на молоденькую девушку, скромно сидящую в сторонке и о чем-то мечтавшую.

Мы — хорошие дети!

У Клары и Федора, когда они поженились, долго не было детей. Сначала институт заканчивали, потом подходящее место работы искали, а когда появились деньги, стали частые застолья устраивать. Друзья у них были такие же бездетные и беспечные. Да еще квартира им хорошая досталась от Клариной бабушки — есть, где разгуляться. Клара и старалась — все новые кушанья придумывала, даже по телевизору передачи кулинарные смотрела и в тетрадь записывала.

В отпуск все время по заграничным курортам ездили. Где только ни побывали: в Египте, Сирии, Турции... Да разве все перескажешь. Годы шли... Им уже за тридцать перевалило, а детей нет и нет.

Так случилось, что в это время стали по телевизору часто о детях говорить: и беспризорники у нас появились, и детские дома переполнены брошенными и отказными детьми, и рожаем-то мы мало. Если так будет продолжаться — скоро весь славянский народ вымрет. Первой забила тревогу Клара.

— Феденька! Хочу ребеночка, чтобы наш род не угас, а то ты у родителей — один и я — одна. Да и все наши друзья детьми обзавелись. Вон, Зоя, уже третьего ожидает.

Федор согласился с Klarой.

Вскоре родился у них малыш — Петей назвали. Родители смотрят на сына — не нарадуются.

Только и слышно: Петя, да Петенька. Так часто его имя повторяли, что первое слово, которое он сказал, было не «мама» или «папа», а «Петя».

Клара решила сыночка воспитывать по японской методике.

— Японцы, — убеждала она мужа, — считают, что маленькому ребенку надо разрешать все, что он захочет. Только тогда из него вырастет свободная личность.

Федор не привык спорить с женой, правда, посмеялся насчет свободной личности, но согласился.

Спустя некоторое время имя сына стало обрастать иными словами: «Петя — хочет», «Петя — не хочет». Дальше — больше. Если его желание долго не исполнялось, то Петя громко кричал: «Мама — плохая, папа — плохой!», и даже ножкой топал, а то и ложился на пол. Позднее он стал выделять это не только дома, но и на улице, в магазине, в парке. Прохожие только головой качали да стыдили Петю, а он в ответ кричал:

— Тети — плохие, дяди — плохие!

Клара готова была сквозь землю провалиться, но с Петей уже ничего поделать не могла.

С соседями тоже начались сложности. Они жаловались, что Петины крики слышны даже через толстые стены дома.

Напрасно Клара рассказывала им про японский метод воспитания детей и свободную личность.

Они только посмеивались и предупреждали, что скоро ей с этой свободной личностью сладу совсем не будет.

Одним словом, к трем годам Петя окончательно уяснил, что он в доме главный, ну а если так, то и вести себя можно соответственно.

Между тем декретный отпуск у Клары закончился. Но как такого ребенка отправить в детский сад? Клара решила взять для сына няню. Нашла одинокую старушку. Та согласилась, подумала: с тремя внуками справилась, а тут всего один ребенок. Но выдержала бабушка с трудом только месяц.

— Отдавай, Кларочка, своего Петюню в детский сад. Там воспитателей много, да все молодые, может, и справятся с твоим сынком. А меня уволь.

И ушла.

Отвели родители свое чадо в ближайший детский сад. Уже через десять дней воспитательницы пришли к заведующей:

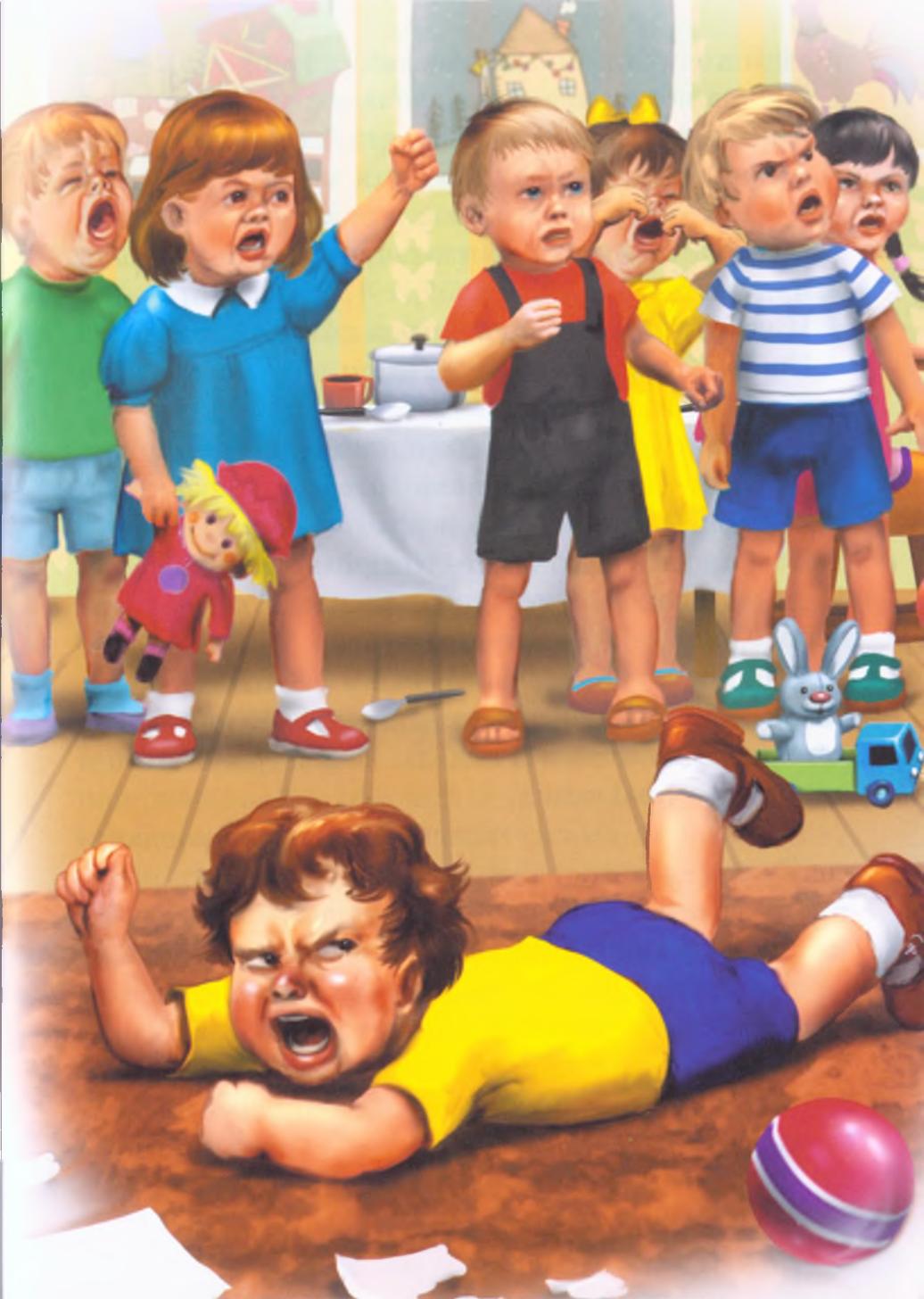
— Анна Сергеевна, заберите Петю. Посмотрите, что он из целой группы сделал. Пошла Анна Сергеевна в столовую. Там дети как раз садились обедать. Одна из воспитательниц — тетя Маша — наливала всем суп. И вдруг Петя ложкой стукнул о стол, отодвинул тарелку и заявил:

— А я не хочу супа!

И вся группа стукнула ложками и повторила:

— Я не хочу супа!

Петя продолжил:

— Я хочу котлетку и кисель!

Группа повторила и эти слова.

Анна Сергеевна не выдержала, схватила Петю и вытащила из-за стола. Но Петя вырвался, лег на пол и стал кричать:

— Анна Сергеевна — плохая, тетя Маша — плохая, детский сад — плохой!

И группа дружно прокричала то же самое.

Когда Клара пришла за сыном, Анна Сергеевна вывела его и строго сказала:

— Забирайте своего ребенка и больше не приводите. Легче с целой группой малышей справиться, чем с вашим сыном.

Клара пыталась что-то говорить о воспитании Пети по японской методике, но заведующая была непреклонна и прекратила разговор:

— Устраивайте эксперименты у себя дома.

Клара попробовала определить Петю еще в два детских сада, но там и неделю не выдерживали и в один голос говорили:

— Заберите своего мальчика — он не садиковский ребенок.

Что делать? Пошла Клара увольняться с работы. А была она на хорошем счету, самые модные платья шила. Вот и предложила ей заведующая брать работу на дом.

Но не тут-то было! Не давал Петя маме шить, хватал за руки, за платье, все нитки перепутывал, кричал:

— Петя хочет гулять! Мама — плохая, швейная машинка — плохая!

Так что шила Клара обычно по ночам, когда сынок уgomонится.

Однажды пришла к ней бывшая подруга — Зоя, та самая, которая теперь уже троих детей имела.

— Что с тобой, Клара? — спросила она, — Похудевшая ты какая-то и бледная.

Клара ей все и рассказала.

— Сынок-то хоть крещенный? — вздохнула Зоя.

— Конечно, мы же православные!

— А Петю своего часто на причастие водишь? Сама-то... исповедуешься, причащаешься?

— До того ли было! — ответила Клара. — Так уставала за день с Петей, что до постели едва добиралась.

— Эх, Клара, Клара, — удивилась подруга, — какая же ты православная? По японской методике сына воспитывать стала, а о православном воспитании забыла. Вот и вошел в твоего Петю дух непослушания.

Тут дверь отворилась, и появился сам Петя. Увидев, что мама разговаривает с какой-то тетей, и они пьют чай, он отодвинул мамину чашку и заявил:

— Петя хочет гулять.

— Ну что ты, Петенька, видишь, ко мне подруга пришла, тетя Зоя. Познакомься с ней, сынок.

— Тетя Зоя плохая! — не задумываясь, ответил мальчик.

— Разве можно так? — расстроилась Клара. — Тетя Зоя очень хорошая.

— Тетя Зоя очень плохая! Пусть уходит плохая тетя! — поправил маму Петя.

Это услышал вошедший Федор. Он схватил сына, шлепнул его и потащил из комнаты. Но Петя выскользнул из его рук, лег на пол и стал громко кричать:

— Мама — плохая! Тетя Зоя — плохая! Папа — очень плохой!

Неожиданно для родителей Зоя подняла Петю и спросила:

— Так какая мама?

— Плохая, — ответил Петя, глядя с любопытством на новую тетю.

— А папа?

— Плохой!

— А Петя? — продолжала спрашивать Зоя

— Хороший, — ответил мальчик.

— Так зачем ты — хороший Петя — живешь с плохими мамой и папой?

Она быстро накинула на него курточку, подвела к входной двери, вывела в подъезд и захлопнула дверь. Клара рванулась, чтобы задержать ребенка, но Федор схватил ее за руку, усадил на диван и прошептал:

— Сиди и учись.

Петя сначала стучался в дверь тихо, потом громче и громче, руками и ногами. Наконец, стал кричать.

Зоя отворила дверь.

— Так какая мама? — спросила она мальчика.

Разозленный поступком Зои, Петя прокричал:

— Плохая! — и хотел войти в комнату

— А папа? — продолжила Зоя, загородив ему вход.

— Плохой — ответил Петя притихшим голосом.

— Так чего же ты хочешь вернуться к плохим маме и папе? — удивилась Зоя. — Уходи, ищи хороших маму и папу.

Она отодвинула Петю в подъезд и опять захлопнула перед ним дверь.

Петя опять пытался кричать, но потом жалобно заплакал и стал просить:

— Пустите, я больше не буду!

Зоя снова открыла дверь.

— Так какая у тебя мама? — строго спросила она.

— Хорошая.

— А папа?

— Хороший.

— А мамина подруга тетя Зоя?

— Хорошая.

— Ну, заходи, но чтобы слово «плохой» мы слышали от тебя последний раз.

Войдя, Петя кинулся к матери, обнял ее и несколько раз повторил:

— Мама — хорошая, очень хорошая. Папа — хороший, тетя Зоя — хорошая. Петя был плохой, а теперь будет хорошим.

Клара с помощью Зои подготовилась к причастию. Пете она тоже кое-что рассказала, и пошли они все вместе в церковь.

Священник долго исповедовал Клару и беседовал с Петей. А потом все они причастились. Петя пришел домой тихий и какой-то просветленный.

Стала Клара часто Петю в церковь водить и причащать.

А через две недели повела она сына в детский сад — тот самый, из которого мальчика выгнали через десять дней.

Как увидела их Анна Сергеевна, так замахала руками. Клара только хотела рассказать, как изменился ее Петя, но он сам подошел к заведующей и сказал:

— Здравствуйте, Анна Сергеевна! Возьмите меня в ваш сад. Он хороший. И я теперь тоже хороший Петя.

Заведующая растрогалась и оставила мальчика.

С первых же дней Петя стал помогать тете Маше. Если ребята поднимали шум, дрались, обижали девочек и не слушали воспитательниц, то Петя сразу же подходил к ним и звонко говорил:

— Сейчас же прекратите! Вы что, плохие? Почему не слушаетесь тетю Машу? Вы же хорошие дети!

И вся группа дружно повторяла:

— Мы — хорошие дети!

Лёля и селедка

Лёля приехала в столицу шестнадцатилетней девочкой из маленького провинциального городка. Начальным пунктом ее отправления был детский дом. Конечным — отдел кадров столичного хладокомбината, куда она прибыла по направлению. Вообще-то звали ее Елена, но так уж приклеилось к ней еще с детства это уменьшительное и ласковое имя — Лёля. По документам выходило, что мама от нее отказалась еще в роддоме. Нянечка Варвара, старейший работник детдома, рассказывала, что она приезжала, плакала, дарила дочке игрушки и одежду, но забрать обратно девочку не смогла. А потом и вовсе пропала.

Добрая старушка часто с разрешения заведующей приглашала Лёлю к себе домой. Она была одиночка, жила в отцовской избе на окраине их провинциального городка. Нянечке Варваре полюбилась толстенькая, кудрявая, рыжеволосая девочка с широко раскрытыми зелеными глазами. Они вместе чаевничали, пекли пироги, вязали, ходили гулять, разговаривали.

— Ты не вини свою маму! — внушала она насупленной рыжеволосой Лёле. — Видно тяжело ей в жизни пришлось, раз от родного дитяти отказалась...

Лёля слушала нянечку, а сама ждала маму. Верила, что вдруг откроется дверь, и войдет она — красивая, любимая, долгожданная.

От нянечки Варвары Лёля впервые услышала о Боге и о Божией Матери.

— А кто Они? — допытывалась девочка, удивленно приподнимая свои рыжие брови. Нянечка объясняла, а потом крестила ее и бормотала: «Ну ты все поняла? Все?! Только никому не говори! Это секрет!».

Лёля кивала. Она поняла, что у людей есть невидимые добрые защитники, всегда готовые прийти к ним на помощь. И Лёля тихонько шептала свои нехитрые детские просьбы, лежа в постели под одеялом и прижав кулачки к груди. Она верила, что ее слышат.

Мама так и не пришла к Лёле. В старших классах на уроках профориентации молодая девушка выучилась профессии торгового работника. В столицу она прибыла с удостоверением продавца, паспортом и небольшой сумкой, в которой были теплый свитер, зимнее пальто с капюшоном и сапоги на два размера больше. А также вязанные шарф, шапка и носки из шерсти, подаренные нянечкой Варварой. Вся остальная ее одежда и обувь были на ней.

«Понаехали тут!» — часто слышала она от «гостеприимных» местных жителей, уже успевших отвоевать себе местечко под суровым столичным солнцем. Лёля лишь улыбалась в ответ на эти замечания. Она

устроилась на работу в магазин «Рыба» от хладокомбината, прописалась в общежитии. Соседками оказались три девчонки, ставшие ее верными подругами. В тесной комнатке общежития девчата жили дружно и делились друг с другом всем, что имели.

Лёля с упоением и жадностью слушала рассказы подруг о тепле родного дома, родителях, братьях и сестрах. Вздыхала, а по ночам тихо плакала в подушку от жалости к самой себе. Ей так хотелось увидеть маму, обнять ее и выплакать все свои печали...

По выходным девчата ходили на танцы или в кино, гуляли в парке или просто бродили по городу. Лёля выделялась среди девчонок своей красотой. Длинноногая, стройная, с рыжей косой толщиной с руку, ясной улыбкой и сияющими глазами она привлекала к себе внимание. Ребята ходили за ней табунами. Но она держала себя строго, твердо усвоив наставления нянечки Варвары.

— Ты будешь очень красивой, когда вырастешь. И достанется тебе много искушений от мужского пола. Помни: честь для девушки дороже всего! Потеряешь — не вернешь! — говорила та ей в детстве, расчесывая ее непослушные кудри. — Береги девичью честь смолоду!

На танцах Лёля познакомилась с Григорием — молодым, черноволосым парнем. Работал он дальнобойщиком, возил разные грузы по всей стране. Они стали встречаться. И сердце молоденькой девушки оттаяло. Молодые люди полюбили друг дру-

га, и вскоре Гриша представил ее родителям. Назначили день свадьбы.

— Везучая ты, Лёлька! — говорили ей подружки, — Смотри, какого парня отхватила! Непьющего, грамотного и с квартирой! Вот оно, счастье-то!

В отличие от ухажеров подружек Гриша не сквернословил и обладал широким кругозором. Он с легкостью мог поддержать разговор на любую тему. Лёлин жених проживал с родителями в старом, еще довоенной постройки доме, в трехкомнатной квартире с высокими потолками, украшенными лепниной. Родители приняли Лёлю как родную дочь. А она не помнила себя от свалившегося на нее счастья. Ее любили, и она, наконец, обрела семью!

Вскоре сыграли свадьбу. Со стороны невесты на ней присутствовали три ее верные подружки по обществу, а еще приехала нянечка Варвара. Лёля специально к свадьбе привезла ее в столицу. Родня со стороны жениха была многочисленной. И не раз Лёля слышала в эти праздничные дни за своей спиной тихие слова: «Надо же! Такой видный парень, а в детдомовку влюбился! И кто ее знает, какого она роду-племени...». Было в этих словах что-то такое, что оскорбляло молодую женщину до глубины души. Она до сих пор ощущала свою ущербность, но скрывала это от всех.

Нянечка Варвара так и осталась жить в гостеприимном доме родителей Гриши. Дочка у Лёли родилась. Потом вторая. Шустрой старушке всегда

было чем заняться, да и вместе им жилось веселее. Жизнь шла своим чередом.

Свекровь была верующей. Благодаря ей Лёля по-настоящему приобщилась к храму, крестилась сама и крестила своих девочек. И хотя они жили в стране, идеологией которой был воинствующий атеизм, в их доме праздновали и Рождество, и Пасху.

Лёля окончила торговый техникум. Ее повысили до должности заведующей секцией в ставшем уже родным магазине «Рыба». Селедка, икра и другие рыбные продукты были в ее полном распоряжении. И она торговала ими умело и сноровисто. Ее любили покупатели и ценили сослуживцы.

Прошли годы. Выросли дочери, вышли замуж и уехали жить в другие города. Умерла нянечка Варвара. Проводили они с Гришей и его родителей в последний путь. Первым ушел свекор, а за ним его супруга. А в пятьдесят лет Лёля потеряла мужа: у него оказалась неизлечимая болезнь сердца. Так она осталась одна. Да, у нее были дочери и внуки. Но они общались в основном по телефону, а виделись редко. Ее навещали верные подруги. Но все реже. У них была своя жизнь с множеством проблем.

Часто по ночам Лёля, как в детстве, тихо плакала в подушку. Сердце ее сжималось от тоски и желания увидеть глаза родной матери. И задумала Лёля непременно отыскать ее. Хотелось ей хоть сейчас узнать, «какого она роду-племени». Старший зять

подарил ей компьютер, и она разместила свои данные на сайте программы «Жди меня».

Тут у Лёли пенсия подоспела. Сослуживцы торжественно вручили ей большой букет роз, а также искусно сделанную на заказ из прозрачного пластика скульптуру селедки в натуральную величину. Ее глаза при смене ракурса будто подмигивали Лёле, хвост был задиристо поднят вверх, плавники украшало золотое напыление, а внутри непонятно каким образом оказалась надпись, выполненная искрящимися на свету буквами: «Не грусти, подруга!». Лёля водрузила эту селедку на сервант и часто перемигивалась с ней.

В последний день ее работы директор, степенный грузин, теперешний владелец магазина «Рыба», вручил ей конверт и напутствовал следующими словами:

— Елена Федоровна! Всю свою трудовую жизнь, почти сорок лет, вы успешно торговали рыбными деликатесами. Пора вам познакомиться с некоторыми местами обитания вашего вкусного товара!

Лёля открыла конверт и не поверила своим глазам. Там была оплаченная трехнедельная путевка на Кипр. Через две недели она уже нежилась на пляже под большим полосатым зонтиком и купалась в прозрачной морской воде.

Поселили их в прибрежной гостинице. В программу поездки входило и несколько погружений в морские глубины. Лёля впервые воочию видела морских обитателей в их родной стихии.

Но больше всего ей нравились экскурсии по древним православным храмам и монастырям острова. Здесь все дышало стариной. Кресты при дороге, иконы в магазинах и самых заброшенных лавочках, маленькие деревенские храмы, выстроенные почти две тысячи лет назад.

Однажды прямо на пляж прибежал взволнованный руководитель их группы.

— Есть несколько мест на частной яхте, которая идет в Тель-Авив! — провозгласил он. — Она будет стоять там три дня. Можно подняться в Иерусалим!

— Подняться? — удивилась Лёля.

Собеседник кивнул и воскликнул:

— Ну кто едет в центр мира?

Утром следующего дня путешественники прибыли в столицу Израиля. В порту у них проверили паспорта и сумки. К большому изумлению Лёли эту процедуру прошли не все. Некоторых ее попутчиков отсеяли по неизвестной причине после проверки паспортов, и они сиротливо и уныло сгрудились на палубе яхты. В их числе — и ее владелец. Вокруг было полно военных. Дородная сердитая еврейка в униформе с автоматом придиричиво изучала Лёлины документы.

Вдруг она подняла на нее глаза, заулыбалась и воскликнула на чистом русском языке:

— Тетя Лёля!!! Вы не помните меня?!

Всмотревшись в эту молодую женщину и еще не веря самой себе, Лёля растерянно произнесла:

— Фира! Это ты?!

Та закивала, радостно улыбаясь.

Ровесница Лёлиных дочерей, их верная подружка Фи́ра, соседка по площадке, вместе с матерью давным-давно покинувшая Советский Союз, стояла перед ней собственной персоной и радостно улыбалась, демонстрируя отличную работу израильских стоматологов. Затем она бросилась Лёле на шею и обняла крепко-крепко, так что та ощутила всю твердость автомата, которым та была вооружена.

— В Иерусалим? — уточнила у нее Фи́ра.

Лёля закивала. Ее собеседница что-то прокричала вооруженным таможенникам, и скоро их всех пропустили в город.

— На обратном пути жду в гости! Обязательно приходите! Я хочу передать папе гостинцы и фотографии внуков. Вот адрес! — тараторила Фи́ра, вкладывая Лёле в ладонку листочек, — Обязательно приходите! Тетечка Лёлочка! Как там папа? Как ваши Вера и Надя? Ваш муж?

— Я уж пять лет как овдовела. А дочки мои — в порядке! Замужем обе. Внучата есть! Уже шестеро! Только они все далеко от меня. А папа твой бодрится. Каждый день его вижу. Все, вроде, у него хорошо.

— Я жду вас! Жду!!! — кричала ей вслед Фи́ра.

Путешественники скинулись, арендовали микроавтобус и отправились в Иерусалим.

Два дня пролетели незаметно. От обилия впечатлений Лёля чувствовала себя будто во сне. Где она только не побывала! Рассматривала древний город

с обзорной площадки, видела Позорный столб и темницу Христа, Часовню Честнаго Креста, Храм Воскресения и церковь Святой Елены, камень Помазания.

Но больше всего ее поразило Храм Гроба Господня на горе Голгофа. Полупустой в это время года он изумил ее своей величественностью и тем, что она наблюдала схождение Огня. Оказывается, это происходит не только на Пасху. Все увиденное просто потрясло Елену: она даже заплакала от избытка чувств.

На обратном пути в Тель-Авив Лёля пыталась привести в порядок свои мысли. Что-то изменилось в ней во время посещения святынь Иерусалима. Боль от сиротства, с младенчества занозой сидевшая в ней, исчезла. Она воистину ощутила себя дочерью Божией, равной миллионам и миллионам других, верующих во Христа.

Фира встретила ее радушно. Принимала за обильно накрытым столом, представила своего мужа и сыновей. Лёля расцеловалась с ее мамой, с которой они в былые времена пусть и не дружили, но все же часто общались. А теперь им всем казалось, что они друг другу родня. Больше всего хозяева беспокоились об отце Фиры, отказавшемся уезжать в свое время вместе с ними. Свой отказ он обосновал тем, что не мог бросить свою работу нейрохирурга в знаменитой столичной больнице. Лёля пообещала присматривать за ним.

Говорили о многом, вспоминали прошлое и то, как три девочки, две светленькие и одна черноволосая, играли в одной песочнице, а их мамы, молодые и гордые своим материнством, неторопливо обменивались опытом по воспитанию малышей и последними городскими сплетнями.

— Жизнь почти прошла... — грустно улыбаясь, говорила Лёля, — Только и видела в ней свой магазин... Что я делала? Всю свою жизнь стояла за прилавком, торговала селедкой... И это почти все...

Фира покачала головой, не соглашаясь с ней, а ее мама сказала:

— Лёлочка, золотко! Не так важно, что ты делала, а важно — как! А ты это делала с любовью!!! Я это точно знаю.

Поздним вечером ее доставили к яхте, возвращавшейся на Кипр. Всем семейством они провожали ее, выстроившись на пирсе, а Фира махала ей рукой на прощанье и кричала:

— Тетечка Лёлочка! Приезжайте в гости! Мы вас будем ждать! А ваши селедки были самые вкусные селедки в мире!!!

Через неделю путешественница вернулась домой. Вручила гостинцы с исторической родины Фирину папе. Устроила застолье со своими верными подружками, раздав им подарки из дальних стран.

А потом посетила сайт программы «Жди меня», где ее ожидало взволновавшее до глубины души сообщение. В далеком Владивостоке нашелся ее млад-

ший брат. Из его письма она узнала, что происходит из семьи с красивой фамилией Шпаковские. И что мама тайно родила ее в 17 лет, а потому не смогла оставить, страшась родительского наказания. Потом она вышла замуж, и ее жизнь сложилась, в общем-то, неплохо. Но женщину всегда терзали муки совести по оставленной дочери. Перед смертью она взяла со своего сына обещание разыскать старшую сестру, что он и сделал.

— Поедешь к ним? — спрашивали ее подружки, рассматривая на экране компьютера фотографии обретенной родни.

— Надо съездить! — твердо ответила Лёля. — А мама-то умерла... Год назад... Так мы с ней и не встретились... Но все равно, как хорошо, что брат нашелся! Теперь я знаю, какого я роду-племени, — улыбаясь сквозь слезы, добавила она.

Не успела Лёля передохнуть после поездки, как ей позвонил директор магазина.

— Елена Федоровна, дорогая! — почти кричал он, — Умоляю — возвращайся! Твоя преемница завалила всю работу, покупатели недовольны, я — в убытке! Ну как? Силы-то еще есть?

— Есть! Я завтра выйду! — отозвалась Лёля. Положила трубку телефона и посмотрела на пластиковую селедку, поблескивающую своими плавниками на серванте.

— Что, подруга, — улыбнулась она, — еще повоюем?!

И селедка подмигнула ей в ответ.

Чудо в мусульманской семье

Направили меня в мусульманскую семью сиделкой к лежащей девочке Вале. Прихожу. Пустая комната, посередине стоит кровать, на ней девочка, а вдоль стены сидят много азербайджанских мужчин и ее мама.

Больная жила на гормонах и уже не двигалась: не шевелила ни руками, ни ногами. А девочка — удивительная. Сколько в ней любви! И к болезни своей относилась спокойно. Да обычно дети и не спрашивают: «Почему Бог наказал?». Они принимают это как должное, не протестуют и не злятся. Есть болезнь — надо жить с болезнью.

Отношение ко мне было почтительное: «Ираджан, сегодня пост? Картошку вам можно?». Не так, как у нас: «Да что ты там? Съешь...». Осмелилась я и спросила: «Исмаил, можно я дам Вале нашу православную Библию?». Он разрешил.

Принесла я Новый Завет, и они его стали читать. А однажды мама девочки говорит:

— Ира, я видела мужчину во сне. Он мне сказал: твое дитя встанет, молись. Что мне делать? Молиться?

- Молись, — говорю.
- А кому?
- Богу.

Боюсь что-то лишнее сказать. У них же своя вера. Берет она Новый Завет, листает, листает и вдруг начинает плакать.

— Ты чего?

— Ира, это тот мужчина, который повелел мне молиться. И показывает в книге на Иисуса Христа.

И что самое удивительное... Через несколько дней прихожу я, а они все сидят и плачут. Девочки на кровати нет... Что я могла подумать?!

Но подумать я ничего не успела — в комнату вошла Валя. Сама! На своих ногах!

Это, конечно, было чудо из чудес...

Кто будет за нас молиться?

Елизавета жила в небольшом городе и работала медсестрой. Судьба ее сложилась так, что осталась она одна на всем белом свете. Лиза тяжело переживала потерю родителей, часто посещала их могилы и мысленно беседовала с ними.

Недалеко от кладбища открылся храм: деревянный, резной, как сказочный терем. Первый раз она зашла туда из любопытства, потом у нее появился интерес, а позже проснулась и вера. В храме ей все нравилось: тепло от свечей, запах ладана, бархатный голос священника и глаза святых, смотрящих с икон.

Как-то Елизавета осмелилась подойти к настоятелю и попросить постоянное послушание. На вопрос, что она любит делать больше всего, ответила:

- Спасать людей от смерти и выращивать цветы.
- Начните со второго, — благословил батюшка.

Елизавета была уверена, что красота может привести людей к Богу. С помощью Господа она сотворила райский уголок на кладбище: небольшой прудик с водяными лилиями, аккуратно подстриженные газончики, извилистые дорожки с ползущими по ним каменными черепашками, причудливые альпинарии с редкими видами растений и множеством ярких бутонов на клумбах в форме креста. А вдоль главной дороги к храму из цветных камешков были выложены слова: «Яко с нами Бог».

По субботам после Литургии Лиза шла на кладбище навестить родителей, где зажигала лампадку и совершала литию.

В один из майских дней после поминальной молитвы ее взгляд остановился на соседней могиле, которую давно никто не убирал. Она подумала: «Видно у этой рабы Божией нет родных, и за нее никто не молится. Надо бы прибрать здесь и цветочки посадить. Интересно, сколько на этом кладбище заброшенных могил?!».

На следующий день она опять пришла сюда, взяв с собой два помянника и ручку. В одну книжицу вписывала имена тех усопших, на могиле которых стоял крест, значит, усопшие — люди крещенные, за них можно молиться в Церкви и подать их имена для вечного поминовения в монастырях. Остальных записывала во второй помянник — для домашней молитвы.

Каждый вечер в течение месяца Елизавета приходила сюда. Вокруг маленьких холмиков — могилок младенцев Лиза сажала нежные маргаритки, яркие анютины глазки, пышные астры или скромные ромашки. Со временем она стала мастерицей и по искусственным цветам, чтобы даже зимой вставлять их в снежные бугорки.

Теперь Лиза никогда не уходила из храма сразу после Литургии, а оставалась на панихиду и молилась по помяннику. Молилась за всех усопших как за близких ей людей, прося милосердного Судию о водворении их душ в небесные селения с праведни-

ками. Она старалась причащаться в родительские субботы, полюбила праздник Радуницу и приходила на могилы своих подопечных с радостной вестью о Воскресении Христовом. Перед уходом проверяла, не остались ли на кладбище неубранные могилы. У нее появилась любимая цитата из Библии: «Для Господа живем, для Господа умираем».

Но случилось так, что наша героиня серьезно заболела. Позвала к себе батюшку, чтобы исповедаться и причаститься. Отец Андрей настаивал на госпитализации, и она пообещала ему, что завтра ляжет в больницу на обследование, а если будет нужно, то согласится на операцию. Сама же мысленно попросила у живых и мертвых прощения и приготовилась умирать. Только об одном сожалела, что не успела найти себе замену. Кто теперь помолится о ее подопечных, да и о ней самой?

Выбившись из сил после болевых приступов, Елизавета уснула. И приснился ей сон, что лежит она посреди большой палаты на операционном столе во всем белом и ждет врачей, чтобы узнать свою участь. Но вместо них вся комната вдруг стала наполняться какими-то людьми разного возраста от отроков до стариков. Лиза не могла понять, кто их позвал и как они сюда попали без белых халатов. И тут незнакомцы наперебой заговорили: «Никто нас не звал, мы сами пришли. Что ты здесь разлеглась? Собралась умирать? А кто будет молиться за нас, вымаливать наши грешные души? Ты должна жить. Вставай!».

Утром она проснулась, а болей нет. Но все равно пошла в больницу, потому что батюшке обещала. Результаты анализов показали, что молитвенница — почти здоровый человек, и в операции не нуждается.

На радостях Елизавета поехала на дачу, срезала там самые красивые цветы, и с огромным букетом — в Церковь. Там упала на колени перед образом Спасителя и стала слезно благодарить Господа за свое исцеление. А после благодарственных молитв начала свое обычное прошение: «Со святыми упокой, Христе души раб твоих...».

Радость узнавания

Всем священникам посвящается

«Осторожно, двери закрываются...». В вагоне метро сосредоточенно-угрюмые лица, рассеяно-блуждающие взгляды.

Две девушки, смеясь, что-то обсуждают, демонстративно жестикулируют — привлекают к себе внимание. Напротив ребята сидят и делают вид, что их не замечают, но нарочито громкий разговор и серьезные лица выдают их. Рядом молодая мама пытается убажить капризку-чадушку — из сумки игрушечку достала и люлюкает, и мяукает. Но ребенок игрушку из рук вырвал и бросил пушистый коричневый комочек неизвестного роду-племени на затоптанный пол. И тут же губки надул, кулачки сжал — вот-вот готов разрыдаться.

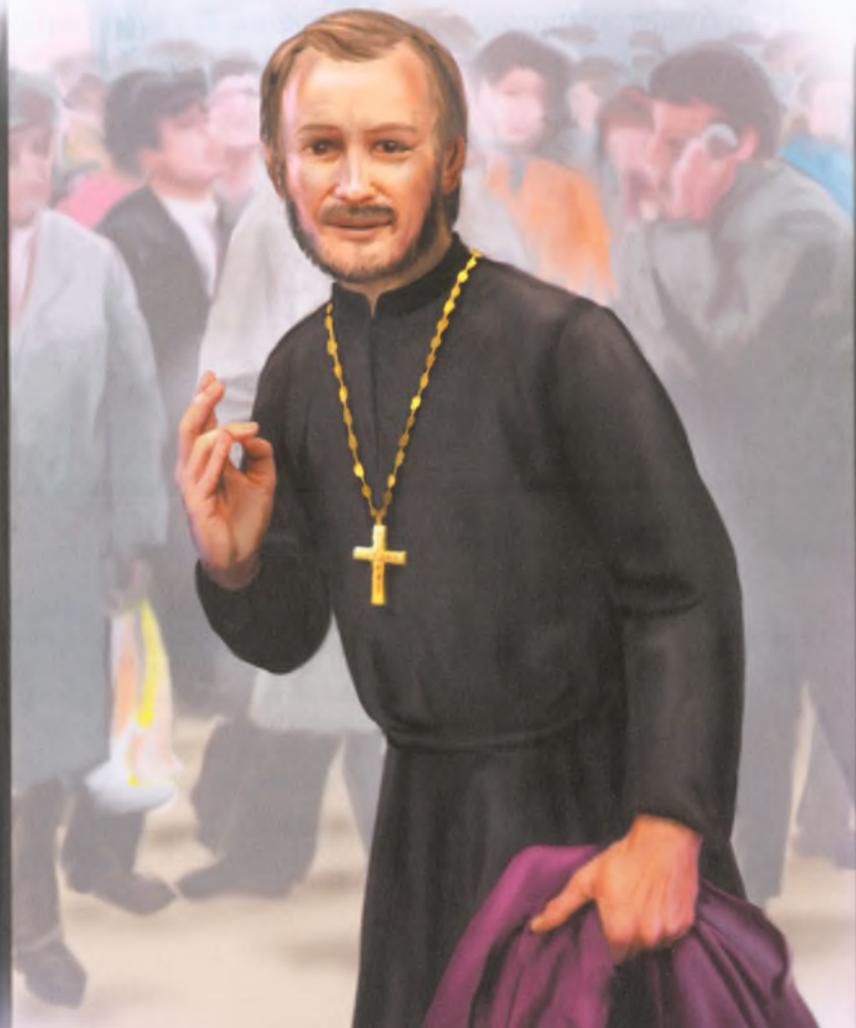
И вдруг... «Осторожно, двери закрываются». Двери закрылись, а в вагоне появился батюшка. Куртку в руках держит, наверное, жарко, сам в подрыснике, а на груди крест золотится.

Девчонки сразу притихли, юбки обтягивают, голые коленки сумками прикрывают. Ребята приосанились, спины выровняли, словно командир вошел. А чадушко-то кулачки разжал, ручонки к батюшке

потянул, рот открыл от удивления, глаза распахнул от восторга. Узнала душа, узнали души...

Батюшка всего остановку проехал, а на выходе взмахнул рукой да благословил всех. В вагоне метро — лица открытые, взгляды осмысленные, малыш с радостью на мир смотрит.

Чает душа Господа.

Содержание

Парень на вес золота <i>Татьяна Горох</i>	3
Сеньор, не пейте! <i>Галина Григорович</i>	10
Я так хочу жить... <i>Зоя Антипович</i>	18
Провинциалка <i>Ирина Куликова</i>	22
Мы — хорошие дети! <i>Любовь Ганаго</i>	34
Лёля и селедка <i>Ирина Куликова</i>	43
Чудо в мусульманской семье <i>Ирина Пилецкая</i>	55
Кто будет за нас молиться? <i>Елена Кумагерчик</i>	57
Радость узнавания <i>Ирина Пилецкая</i>	62

Духовно-просветительное издание

Автор-составитель Ганаго Борис Александрович

КТО БУДЕТ ЗА НАС МОЛИТЬСЯ?

Сборник рассказов

Редактор и ответственный за выпуск: Александр Ганаго

Художник: Ирина Зенюк

Компьютерная верстка: Елизавета Земцова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 18.07.2011.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,73.
Уч.-изд. л. 2,87. Тираж 10 000 экз. Заказ 2173.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г.Минске

Минской епархии Белорусской Православной Церкви,

ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009,

220004, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82; тел.: 250-14-18.

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт»

ЛП № 02330/0494199 от 03.04.2009 г., г.Минск, ул. Кнорина, 50

